

Валя Смирнова

С понедельника — *счастье*

Валя Смирнова

С понедельника - счастье

«Автор»

2026

Смирнова В.

С понедельника - счастье / В. Смирнова — «Автор», 2026

Новую жизнь принято начинать с понедельника. Полина приехала в Липовую Пристань в воскресенье — и уже к вечеру успела поспорить с незнакомцем из-за парковочного места. Так начался не самый удачный, зато самый настоящий из её дней за последнее время. В Москве у Полины остались: аккуратный развод, проданная квартира и работа, от которой устали все, включая заказчиков. Здесь, в городке на Оке, обнаружились: особняк Князевых, с неопределенным будущим; местный архитектор Илья и целая городская площадь людей, у каждого из которых своё мнение о том, чему быть на набережной. Полина умеет слушать и записывать. Из этого, как выясняется, тоже может получиться работа — и не только работа. Только чтобы остаться там, где вдруг стало хорошо, придётся впервые выбрать самой. Не по плану на десять лет. По-настоящему. Тёплый и камерный роман о взрослом выборе, провинциальном городе, который не хочет быть открыткой, и о счастье, которое не начинается по расписанию.

© Смирнова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место номер шесть	6
Глава 2. Кофе, который не обещали	10
Глава 3. Человек, который знает про стены	15
Глава 4. Маршрут без обязательств	19
Глава 5. Цена красивого вида	25
Глава 6. Кому нужен дом Князевых	30
Глава 7. Подлинник и копия	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валя Смирнова

С понедельника - счастье

Валя Смирнова

С ПОНЕДЕЛЬНИКА — СЧАСТЬЕ

Роман

Глава 1. Место номер шесть

В Липовую Пристань Полина приехала в воскресенье, потому что в понедельник у неё уже был рабочий созвон. Новую жизнь принято начинать с понедельника, и эта нехитрая традиция наконец-то совпала с её расписанием. Правда, к семи вечера воскресенья у новой жизни обнаружились три недостатка: гудела поясница, телефон показывал четыре процента заряда, а на обещанном парковочном месте стояла чужая машина.

Полина остановила свой серый «Солярис» посреди небольшого двора и перечитала сообщение хозяйки квартиры.

«Заезжай через арку, справа шесть мест. Твоё — номер шесть, у калитки. Не перепутай с шестым подъездом, подъезд у нас один :)»

Номер шесть был нарисован на асфальте белой краской, местами стёртой, но вполне различимой. Над ним возвышался тёмно-зелёный универсал с открытым багажником. Из багажника торчали свёрнутые чертежи и длинный деревянный ящик, на котором кто-то аккуратно вывел чёрным маркером «ОСТОРОЖНО. СТЕКЛО».

Полина нажала на клаксон. Не слишком громко — для знакомства с городом хватало и того, что она только что, объезжая ремонт моста, сказала навигатору всё, что думала об уровне его образования.

Из подъезда вышел мужчина в потёртой синей рубашке с закатанными рукавами. В одной руке он нёс старую оконную раму, во второй — ключи. Раму мужчина прислонил к стене с бережностью, неожиданной для человека, который тащил её по двору, и подошёл к машине.

— Вы ко мне сигналите?

— Если это ваш универсал, то да. Здесь шестое место.

Он посмотрел на асфальт.

— Вы правы. Шестое.

— И?

— И я через несколько минут уеду.

— А мне что делать эти несколько минут?

Мужчина бросил взгляд на её машину с забитым до крыши задним сиденьем, на дорожную пыль и лицо, в котором Полина сама с удовольствием не узнала бы себя.

— Есть свободное у забора.

— У забора ворота. Я там кого-нибудь запру.

— Ворота не открываются года три.

— Замечательно. Уже два городских памятника: ворота и ваша машина.

Он коротко усмехнулся, но почему-то это взбесило сильнее любого спора.

— Послушайте, — сказала Полина. — Я шесть часов за рулём. Мне дали конкретное место. Я не прошу ничего необычного — просто переставьте машину.

— Хорошо. Только я раму уберу, чтобы никто её не разбил.

— Разумеется. Рама важнее.

Улыбка исчезла. Мужчина подхватил своё приобретение, отнёс к подъезду и, вернувшись, сел за руль. Он вырулил настолько спокойно, словно не опаздывал никуда в жизни. Полина дождалась, пока универсал освободит разметку, встала ровно в центр прямоугольника и заглушила двигатель.

В Москве на подобную сцену она потратила бы столько же сил, зато ещё час мысленно формулировала победную речь. Здесь победа почему-то не доставила удовольствия.

Мужчина остановился рядом и опустил стекло.

— Добро пожаловать, — сказал он без всякой иронии. — Если вам нужна хозяйка квартиры, Нина Павловна у себя. Второй этаж, дверь слева.

— Спасибо.

— И у вас задняя дверь не до конца закрыта.

Он уехал, прежде чем Полина успела решить, было ли это новой попыткой её унижить. Она вышла, проверила дверь — действительно не защёлкнулась — и вдруг рассмеялась. Тихо, без радости, зато от души.

— Приехала, — сказала она машине. — Молодец, Поля.

Нина Павловна открыла дверь ещё до звонка. Невысокая женщина лет шестидесяти с тщательно уложенными седыми волосами, в джинсах и футболке с надписью «Не буди во мне бухгалтера». Сразу оглядела Полину, пакет с постельным бельём в руках и чемодан, который застрял на последней ступеньке.

— Господи, да что ты всё сама? Давай хотя бы пакет. Лифт у нас пока не вырос, предупреждала.

— Я почти донесла.

— И почти надорвалась. Здесь у нас «почти» не считается.

Квартира оказалась такой, как на фотографиях, только на фотографиях нельзя было почувствовать запах деревянного пола и чистых штор. Две небольшие комнаты, кухня с жёлтыми стульями, застеклённый балкон. На подоконнике — пустой горшок, в котором когда-то явно собирались выращивать что-нибудь серьёзное зелёного лука.

— Интернет вчера проверила. Сто мегабит обещают, семьдесят пять точно есть, — сообщила Нина Павловна и, заметив её удивление, добавила: — У меня внук игры гоняет. От него и знаю, когда связь пропадает. Завтра мастер должен новый роутер привезти, старый может иногда глючить, но тоже работает. Вот пароль.

На холодильнике висел магнит в форме парохода и бумажка: «PristanWiFi_5G / lpa1908». Полина достала телефон, с желанием привычно сфотографировать пароль и только после этого вспомнила, что батарея давно умерла. Экран не зажёгся.

— Зарядку найдём, — сказала Нина Павловна. — Чай будешь?

— Если честно, хочу сначала разложить вещи.

— Правильно. Чай — потом. Ты ела?

— В дороге.

— Это не ответ, а обвинение. Ладно, не буду приставать.

Нина Павловна рассказала, где лежат запасные полотенца, что форточку лучше открывать не до конца и что вода после профилактики иногда идёт ржавая минуту, не больше. Про парковку Полина сообщила сама, заранее приготовившись к местной философии «у нас всё общее».

— Зелёный универсал? — переспросила хозяйка. — Так это Илья, наверное. Окно мне привёз. Старую раму от лестничной площадки. Её ещё дед его ремонтировал, представляешь? А мы собрались выкинуть.

— Значит, вы ему разрешили встать на моё место?

— Я ему сказала, что до семи можно разгрузиться. Ты же обещала часам к восьми.

Полина посмотрела на часы. Без двенадцати семь.

— Я раньше приехала.

— Ну так он тебя и освободил, я видела. Ты извини, я не подумала предупредить. Он, когда с железками своими возится, время не замечает. Но человек хороший.

Эта последняя фраза прозвучала как заключение общественного суда, на котором обвиняемый давно получил оправдательный приговор.

— Уверена, — сказала Полина.

Нина Павловна прищурилась.

— Ты с ним поссорилась?

— Нет. Мы обменялись мнениями о дорожной инфраструктуре.

— А-а. Ну, бывает.

После её ухода Полина села на край дивана и несколько минут смотрела в окно. Двор был квадратный, с невысокой липой посередине. Девочка в розовых резиновых сапогах бросала мяч собаке, которая принципиально не желала его приносить. На соседнем балконе сушились простыни. Кто-то внизу включил радио; песня из начала нулевых перемешивалась со стуком посуды.

В Москве она давно перестала замечать чужие окна. Там их было слишком много.

В чемодане сверху лежал серый кашемировый джемпер — подарок Димы на прошлый день рождения. Дима умел выбирать вещи. Настолько хорошо, что Полина десять лет постепенно перестала выбирать их сама: он находил более удобную машину, более правильный район, более разумный способ провести отпуск. В какой-то момент она обнаружила, что у неё прекрасная, устроенная жизнь, из которой очень неудобно выходить.

Развелись они без скандала. Вежливо разделили сбережения, договорились о продаже квартиры, обменялись благодарностями за хорошие годы. На последнем заседании Дима даже придержал ей дверь. Через неделю прислал ссылку на агентство недвижимости с сообщением: «Там адекватные ребята, тебе будет проще».

Она написала «спасибо» и расплакалась в такси. Не из-за квартиры. Из-за того, что он снова оказался полезным, когда ей ужасно хотелось хотя бы раз обойтись без его помощи.

А ещё через три месяца её отдел в московском издательском сервисе сократили. Полина руководила командой контента, делала спецпроекты для городских медиа, собирала маршруты и тексты, которые люди читали по дороге куда-нибудь. В письме о сокращении благодарили за «значимый вклад в развитие направления». Начальник лично признался, что решение пришло сверху, и предложил пользоваться им как рекомендателем. Это было достойно, корректно и окончательно.

С тех пор Полина всё чаще ловила себя на том, что каждый новый день начинается с переговоров. С бывшим мужем — о документах, с риелтором — о цене, с заказчиками — о сроках, с самой собой — о том, почему она до сих пор не нашла работу.

Липовую Пристань посоветовала Катя, подруга ещё с университета. У Кати здесь жили родственники. «Там река и нормальные люди, — сказала она. — А если не понравится, вернётся. Не подписывай с городом брачный контракт».

Полина тогда рассмеялась. Теперь, сидя над открытым чемоданом, подумала, что Кате вообще-то стоило чаще доверять.

Она поставила телефон на зарядку. Он мигнул зелёным, и спустя пару секунд экран загорелся. Почти сразу посыпались сообщения: от матери — «Доехала?», от Кати — «Ты там не в лесу, надеюсь», от Димы — «Риелтор уточняет про ключи. Давай завтра созвонимся?»

Полина ответила матери и Кате. Диме написала: «Завтра после четырёх. По вопросам квартиры лучше в переписке». Перечитала и оставила как есть.

На кухне обнаружили пакет макарон, соль, масло и баночка вишнёвого варенья. На баночке бумажный ярлычок: «От Н. П., май. Не стесняйся». Полина сварила макароны, села с тарелкой у окна и впервые за день никуда не торопилась.

Позднее она вышла за водой и хлебом. Магазин нашёлся через два дома — узкий, с крашеными зелёными дверями и почти домашним запахом свежей выпечки. У кассы женщина в полосатом свитере разговаривала с продавщицей так, будто продолжала беседу, начатую утром.

— У Галки внук поступил, — сообщила она, пока Полина выбирала минералку. — В Самару. На инженера. А говорил, что в музыканты пойдёт.

— Инженер тоже не приговор, — заметила продавщица.

Женщины рассмеялись. Полина расплатилась, вышла на улицу и обнаружила, что от магазина вниз ведёт узкая дорожка к реке.

Ока за домами открылась неожиданно. Вечернее небо было бледным, почти летним. На противоположном берегу темнел лес, по воде медленно двигалась баржа. Набережная состояла из двух очень разных частей: новой, с аккуратными фонарями и скамейками, и старой, где сквозь потрескавшийся асфальт пробивалась трава, а вдоль берега тянулись кирпичные склады.

Один из них выделялся высоким арочным окном и башенкой у крыши, в которой не было часов. На стене остался бледный прямоугольник, словно от снятой вывески. Здание было красивым настолько, насколько может быть красив дом, которому давно никто не обещает ремонта. Его было жалко, хотя жалость к домам Полина считала занятием людей с избытком свободного времени.

Она достала телефон и сделала фотографию. Снимок получился кривой: на переднем плане урна, на заднем — склад. Удалила, сняла ещё раз, уже отойдя к парапету.

— Если снимать из-под фонаря, башенка лучше видна, — подсказал кто-то позади.

Полина повернулась. По набережной проходил пожилой мужчина с удочками. Он даже не остановился, только махнул в сторону ближайшей скамейки.

Она последовала совету. Теперь дом действительно выглядел интереснее, и за ним в кадре оставалась река.

На экране высветилось сообщение от Кати: «Ну как? Счастье уже наступило?»

Полина отправила фотографию и ответила: «Пока заняли моё парковочное место. Остальное завтра».

Потом купила на обратном пути два лимона, хотя понятия не имела, зачем они ей нужны, и поднялась домой.

Ночь в незнакомой квартире пахла стиральным порошком и влажной листвой. Перед сном Полина завела будильник на восемь, записала в заметках «купить нормальный кофе», а следом, сама от себя не ожидая, добавила: «Разобраться, что за дом на набережной».

Она не стала составлять план новой жизни. Старый план, рассчитанный на десять лет, и так недавно пришлось выбросить.

Внизу хлопнула калитка. Полина выглянула из окна: во двор вошёл тот самый мужчина с универсалом. Он нёс под мышкой какие-то бумаги и разговаривал по телефону.

— Нет, Вадим, фасад отдельно от перекрытий не живёт, — говорил он усталым голосом. — Ты же понимаешь, что это получится декорация. Завтра обсудим. Сегодня я домой.

Полина отступила от окна, не желая быть пойманной на подслушивании. «Декорация», — повторила она про себя. Подходящее слово для слишком многого.

А в понедельник, как ни странно, всё началось с кофе.

Глава 2. Кофе, который не обещали

В восемь ноль семь Полина обнаружила, что будильник она поставила правильно, но телефон ночью умудрился сползти с зарядки. Проснулась не от сигнала, а от звука колёс чемодана по плитке во дворе. Кто-то уезжал, причём уверенно и очень рано.

Она посидела на кровати, пытаясь сообразить, какой сегодня день. Потом вспомнила: понедельник. Созвон через пятьдесят три минуты, кофе нет, а к вчерашнему хлебу в доме не нашлось ничего, кроме варенья. Можно было поздравить себя с началом новой жизни, но поздравлять пока было нечем.

Нина Павловна уже стояла на лестнице с маленькой лейкой и деловито поливала герань на подоконнике.

— Доброе утро. Выручай, — сказала она. — Посмотри, пожалуйста, что с этим цветком. Всё лето цветёт, а этот лист как тряпочка.

Полина знала о герани приблизительно столько же, сколько о судостроении.

— Может, перелили?

— Да я не вчера родилась, — обиделась хозяйка. — Это от сквозняка. Говорила ему, что форточку так не открывают.

О ком именно шла речь, Нина Павловна не пояснила. Полина тоже решила не рисковать.

— Простите, мне кофе нужно найти. Я до девяти успею?

— До девяти всё успеешь. На Советской «Причал» открывается с восьми. Возьми у них слойку с яблоком. Они сегодня хорошенькие, вчера сама видела, как тесто ставили.

— А вы что, прямо на кухне присутствовали?

— Я с Маринкой двадцать лет знакома. Не всё же нам через интернет узнавать.

Кофейня занимала первый этаж низкого дома с синей черепицей. Над дверью висела вывеска «ПРИЧАЛ», но никакого моря вокруг не было. Внутри пахло корицей, кофейными зёрнами и мокрой землёй из больших горшков с фикусами. Девушка за стойкой пыталась поставить на полку банку с печеньем и одновременно отвечала на чей-то вопрос по громкой связи.

— Если нужны зелёные, это к тебе не ко мне. Я тебе сказала: у нас только белые чашки, — произнесла она в телефон и, прикрыв трубку ладонью, обратилась к Полине: — Доброе утро. Что вам сделать?

— Большой капучино. И что-нибудь, что можно взять с собой и не испачкать клавиатуру.

— Тогда слойку не советую. Она вкусная, но вы усыплете крошками всю клавиатуру. Сэндвич с сыром подойдёт?

— Подойдёт.

На кофемашине стояла фотография девочки с большим рыжим котом. Под ней записка: «Не давать Лене брать выходные по понедельникам». Полина огляделась.

— Вы Лена?

— К сожалению. Это коллективный протест двух сотрудников, которые считают, что без меня спокойно справляются, — девушка кивнула на кофемашину. — Они же оба на фотографии отсутствуют, потому что один — моя сестра, а второй — наш бухгалтер. Сядете?

Полина посмотрела на часы.

— Минут на десять. Потом у меня созвон.

— Розетка у окна. Интернет пароль на чеке, если понадобится.

Сэндвич оказался горячим, кофе — крепким, а окно выходило на перекрёсток, где машины пропускали пешеходов без привычного московского торга. Полина успела съесть завтрак, подключиться к сети и просмотреть документы клиента, для которого ещё с февраля редактировала корпоративный журнал. У компании был новый раздел про городские сервисы;

тексты шли через неё почти как прежде, только в счёте вместо оклада появились строки «услуга» и «срок оплаты».

В девять позвонил Андрей, руководитель проекта. Он говорил на фоне офиса: кто-то спорил о презентации, хлопала дверца микроволновки, слышался смех. Полина на секунду почувствовала неприятный укол зависти.

— Полин, привет. Ты уже на новом месте?

— Да. Тут нормальная связь, можно продолжать.

— Отлично. По июню давай сразу договоримся. У нас бюджет согласовали только на два материала. Дальше пока неизвестно.

Полина машинально открыла календарь.

— Мы обсуждали четыре.

— Знаю. Сам не рад. И ещё, дизайнер просит переписать вступление в прошлой статье. Говорит, текст не помещается.

— Дизайнер просит переписать текст, потому что не помещается текст?

— Ты же понимаешь, о чём я.

— Понимаю. Пусть покажет макет. Уберём, что мешает, но не половину смысла.

Они ещё двадцать минут обсуждали сроки, заголовки и чужую неготовность принимать решения. Андрей пообещал вернуться к вопросу бюджета, Полина пообещала правки до среды. На этом привычная Москва закончилась. На улице какой-то мальчик катил на велосипеде огромный пакет с мусором, стараясь удержать его на руле, и человек с собакой терпеливо ехал за ним на самокате.

— Можно я столик вытру? — спросила Лена, когда Полина закрыла ноутбук. — Или вы ещё работаете?

— Уже закончила. Скажите, а здесь есть хороший книжный или музей? Мне город посмотреть хочется.

— Книжный есть, хороший — понятие спорное. А музей небольшой, но у них Вера Борисовна. Вот она вам столько всего расскажет, что домой только к вечеру вернётся.

— Где находится?

— По Советской прямо, потом налево на Речную. Серый дом с колоннами. Не пугайтесь, колонны ненастоящие. Их в восьмидесятых прилепили.

Полина поблагодарила и пошла пешком. Она рассчитывала на двадцать минут прогулки, но город оказался устроен так, что за каждым поворотом хотелось задержаться. Магазин рыболовных снастей соседствовал с салоном свадебных платьев; у аптеки стояла лавка с табличкой «Для тех, кто не спешит»; за почтой начинался сквер, в котором фонтан давно превратили в клумбу, и это было, пожалуй, к лучшему.

Её работа всегда состояла из таких мелочей. Хороший маршрут не складывался из одних достопримечательностей: нужны были случайный двор, пирог, удобный туалет, тень в жару и повод пройти лишние сто метров. Особенно повод. Человеку можно бесконечно рассказывать о дате строительства, но запомнит он обычно историю о том, кто в этом доме когда-то жил и почему всё пошло не по плану.

Музей нашёлся на втором этаже бывшей городской управы. На первом размещалась районная художественная школа: с лестницы доносился запах гуаши, на стенах сушились рисунки с разноцветными мостами. У двери музея висело объявление: «Экскурсии по предварительной записи. Вход свободный в последнюю среду месяца».

За столом сидела женщина в зелёном жакете, листала толстую папку и одновременно просматривала фотографии на экране компьютера. Услышав шаги, подняла голову.

— Вы на экскурсию? Одна?

— Пока только посмотреть. Я здесь недавно, хочу разобраться в городе.

— Здесь недавно — это туристка или насовсем?

— У меня пока версия на два месяца.

Женщина улыбнулась.

— Прекрасный срок, чтобы успеть посмотреть всё и ничего не решить. Я Вера Борисовна Бурова, научный сотрудник, временно исполняющий обязанности человека, который отвечает на все вопросы. Проходите.

Полина назвала себя и честно призналась, что работает с текстами, в том числе с путеводителями. Вера Борисовна сразу отложила папку.

— С путеводителями? А вы случайно не из столицы?

— Из Москвы. Но я не по поручению.

— А это даже лучше. Нам тут очень нужен человек, который умеет писать для живых людей. Мы с администрацией который месяц спорим насчёт маленького городского маршрута. Они хотят «двадцать ключевых объектов культурного наследия». Я им говорю: у нас столько объектов в приличном состоянии не наберётся, а если наберётся — турист сбежит на четвёртом. Они считают, что я сопротивляюсь продвижению территории.

— А вы сопротивляетесь?

— Само собой. Я сопротивляюсь плохому продвижению территории.

Вера Борисовна поднялась и повела Полину в зал старых фотографий. На чёрно-белых снимках по Оке ходили пароходы, на деревянной пристани толпились люди в картузах, женщины держали зонтики. На одном снимке по набережной тянулись бочки и мешки.

— Вот наша Пристань. До железной дороги жила рекой, после — всё равно рекой. Здесь не было богатой купеческой архитектуры на каждом шагу, но были склады, торговля, мастерские. Иногда мне кажется, что туристические буклеты рисуют не наш город, а человека, которым он хотел бы казаться на школьной фотографии.

Полина задержалась возле знакомой кирпичной башенки.

— А этот дом? Я вчера его снимала. На старой набережной.

— Бывший склад Князевых. На самом деле склад только по привычке зовём. Первоначально там было и конторское помещение, и комнаты для сезонных служащих. Построен в тысяча девятьсот восьмом. После войны использовался по-разному: речная контора, мастерская, архив хозяйственного управления. Потом стоял пустой.

— Он красивый.

— В этом и беда, — сказала Вера Борисовна. — Слишком красивый, чтобы его спокойно снести, и слишком дорогой, чтобы просто починить.

— А что собираются делать?

— Пока никто толком не говорит. У муниципалитета в июне рассмотрение инвестиционного предложения. Там участок хороший. В городе денег на ремонт нет, а у предпринимателей свои соображения.

Полина посмотрела на снимок. На старом фасаде были большие деревянные двери; теперь на их месте она видела заколоченный проём. У входа стояли двое подростков в пиджаках, один держал велосипед. История не была исключительной — таких зданий по стране тысячи. Но вчера вечером этот склад выглядел так, будто кто-то остановил его жизнь на полуслове.

— Вы сказали насчёт маршрута. Это просто разговор или у вас есть предложение ко мне? Вера Борисовна оживилась.

Оказалось, у местной ассоциации предпринимателей был небольшой бюджет на летний проект. Хотели сделать печатную карту, короткую электронную версию с точками прогулки и тексты для городского сайта. Прошлый подрядчик предложил переписать историческую справку, добавив слова «атмосфера», «жемчужина» и «уникальный» в каждом втором абзаце. Вера Борисовна отказалась подписывать макет. После этого председатель ассоциации предложил поискать автора за пределами города.

— И сколько там работы? — осторожно спросила Полина.

— Двенадцать, ну пятнадцать точек, три прогулочных маршрута, две страницы практической информации. Фотограф у нас есть, местный. Нужно всё пройти, поговорить с людьми, проверить. Деньги небольшие, но не волонтерство. Я не имею права обещать, пока с председателем не согласуем.

Полина попросила прислать техническое задание. Внутри неё осторожно поднялось чувство, которое она за последние месяцы старалась не показывать: настоящее профессиональное любопытство. Не очередные правки ради того, чтобы слова уместились в дизайнерский прямоугольник, а работа, где можно самой выяснить, что важно.

Они проговорили ещё почти час. Вера Борисовна показала шкаф с альбомами, объяснила, где раньше была торговая площадь, назвала трёх людей, которых непременно следовало расспросить. Когда Полина собралась уходить, женщина вдруг спросила:

— У вас ведь времени не слишком много? Судя по всему, вы здесь не в отпуске.

— У меня есть удалённая работа. Но график можно подвинуть.

— Тогда приходите завтра. Я подготовлю материалы. И покажу вам человека, который про старую набережную знает больше, чем я. Он спорит со всеми, так что не принимайте близко к сердцу.

— Историк?

— Хуже. Архитектор.

Полина мысленно отметила, что архитектор — не самая страшная разновидность спорщика, особенно если у него нет доступа к утверждению заголовков.

Она вышла из музея и купила в небольшой пекарне пирог с капустой. Сидеть с ним на ходу было неудобно, поэтому устроилась на скамейке возле сквера. Над площадью висели часы городской администрации: показывали одиннадцать сорок, хотя на телефоне было без десяти два. В Москве она обязательно пожаловалась бы на них в городской сервис. Здесь просто сделала фотографию.

К вечеру пришло письмо от Веры Борисовны с темой «Маршрут. Пока внутреннее». Во вложении — восемнадцать страниц пожеланий, список объектов и таблица расходов. В соседнем письме Андрей из Москвы прислал макет статьи: дизайнер действительно уместил половину текста, обрезав самое существенное.

Полина открыла оба документа. Сначала исправила московский. Работа есть работа, а обещания лучше выполнять сразу. Потом разложила фотографии Липовой Пристани по папкам, нашла на карте все предложенные точки и завела файл «Город, в котором можно задержаться».

Название пока было рабочим. Она знала, как быстро рабочие названия приживаются и как потом жалко их выбрасывать.

Часам к десяти Нина Павловна постучала в дверь и вручила тарелку с двумя сырниками.

— Ты весь день за компьютером. Я снизу свет видела.

— Спасибо. Я действительно засиделась.

— Илья раму поставил, кстати. Если хочешь, можешь посмотреть, какая красота. Я его отругала, что тебя вчера гонял.

— Не надо было.

— А я уже. Не возвращать же слова обратно.

Полина взяла тарелку. Нина Павловна явно собиралась продолжить, но остановилась, заметив открытый ноутбук.

— О, это старый склад? Ты чего его рассматриваешь?

— Может быть, буду делать городской путеводитель.

— Тогда ты туда людей не води, пока крышу не проверят. У нас в позапрошлом году кирпич упал с карниза, прямо рядом с мальчишкой. Повезло, что рядом.

— А закрыть доступ нельзя?

— Вход закрыли. Но набережную-то куда денешь?

После её ухода Полина долго смотрела на фотографию склада. Ещё утром это был один из сотни красивых старых домов. Теперь у него появилась опасная крыша, сложная биография и вполне реальная перспектива исчезнуть. А внизу документа, который прислала Вера Борисовна, была пометка карандашом: «По Князевским — уточнить у И. С. Лаврова».

Полина прочитала фамилию, ничего не поняла и закрыла ноутбук.

Внизу кто-то осторожно поставил машину во дворе. Слышно было, как хлопнула дверь и маленький голос спросил:

— Пап, а завтра мы всё-таки доделаем лодку?

— Если ты найдёшь, куда вчера спрятал нос, — ответил знакомый мужской голос.

— Я не прятал. Я придумал ему тайник.

Полина улыбнулась, услышав голос мальчика за окном. Потом задвинула штору: утром её ждал ранний созвон.

Глава 3. Человек, который знает про стены

На следующий день Полина пришла в музей к одиннадцати, вооружившись блокнотом и намерением слушать. Вера Борисовна заранее предупредила, что у неё совещание, но нужный человек будет на месте.

Нужный человек стоял спиной к двери, держа на весу большой лист ватмана. На листе виднелся фасад с высокими арочными окнами и пустым круглым проёмом под крышей. Рядом на столе лежали фотографии разрушенного карниза.

— У нас есть ещё снимки из девяносто седьмого, — говорила Вера Борисовна. — Ты опять их не взял.

— Потому что там половина здания закрыта ёлками. Если я напишу заключение про кладку по виду на ёлки, ты первая начнёшь смеяться.

Полина остановилась. Синяя рубашка была другой — чистой и выглаженной, — но голос ошибиться не позволял.

— Доброе утро, — сказала она.

Мужчина обернулся.

Несколько секунд оба делали вид, будто встреча их совершенно не удивила. Вера Борисовна смотрела с одного на другого.

— Знакомы?

— Мы обсуждали парковку, — ответила Полина.

— Причём предметно, — добавил мужчина.

Вера Борисовна заулыбалась с таким удовольствием, что Полина сразу поняла: история будет пересказана как минимум трём людям.

— Тогда официально познакомлю. Полина Орлова, занимается городскими маршрутами, в том числе нашими, если всё сложится. Илья Сергеевич Лавров — архитектор-реставратор, наш главный человек по старой застройке. Объяснит, почему нельзя красить всё подряд в бежевый.

— И почему иногда нужно красить, — поправил Илья. — Здравствуйте, Полина.

— Здравствуйте. Ваше окно прекрасно доехало?

— Даже установлено. Нина Павловна проверяла с уровнем.

— Она упоминала.

— Я так и думал.

Вера Борисовна, не скрывая довольства, разложила перед ними материалы. Её задача оказалась более срочной, чем Полина предполагала. Ассоциация предпринимателей хотела получить первую версию путеводителя к городскому летнему празднику в середине июня. Сегодня председатель должен был подтвердить ставку и объём. Полина уже ответила письменно, что готова обсуждать сотрудничество как самозанятая, но просила закрепить сроки согласования и число правок.

— Хорошо, что вы про правки написали, — одобрила Вера Борисовна. — Иначе у нас двадцать человек будут считать себя главным редактором.

— Я в этом году уже работала в такой редакции, — сказала Полина. — Второго раза не хочется.

Илья разложил по столу чертёж.

— Тогда про склад Князевых сразу договоримся. Внутри никто не заходит, никакие экскурсии к самому входу не водим. Особенно с детьми. Карниз держится не везде.

— А с безопасной точки фотографировать можно?

— Можно. С другой стороны Речной улицы. Оттуда хорошая перспектива.

— Мне важно понять, будет ли объект вообще в путеводителе. Если его скоро закроют строительным забором, маршрут устареет до печати.

— Очень разумный вопрос, — сказал Илья. — Ответа на него у нас пока нет.

— Он скромничает, — вмешалась Вера Борисовна. — Он сам делает обследование для предварительного проекта.

— Не для проекта. Для оценки состояния, — уточнил Илья. — Это разные вещи.

— А заказчик кто? — спросила Полина.

Он помедлил.

— Потенциальный инвестор. Хочет понимать объём работ до решения по участку.

— Звучит как начало ремонта.

— Или как начало отказа от ремонта. Разница существенная.

Илья говорил сухо, без желания производить впечатление. Полина почувствовала знакомое раздражение: когда специалист знает значительно больше тебя и пользуется этим не для того, чтобы объяснить, а для того, чтобы вовремя поставить точку.

— Тогда мне нужен простой ответ для читателей, — сказала она. — Почему здание важно и что с ним происходит. Без технических подробностей, но и без «уникальной жемчужины».

— Последнее особенно желательно, — ответил Илья.

Он придвинул к ней фотографию 1909 года. Здание стояло над высокой береговой стеной, к боковому въезду подводила мощёная дорога. В круглой нише под крышей виднелись не часы, а литая металлическая решётка.

— Там был вентиляционный фонарь, — пояснил он. — Склад совмещался с конторой и помещением для хранения образцов. Товары выгружали вниз, а учёт вели наверху. В Пристани принято говорить, что Князевы построили себе дворец на берегу. В реальности это было довольно практичное здание.

— Практичность не мешает красоте.

— Не мешает. Но если написать, что строили ради красоты, получится неправда. Проектировщик сделал большое окно там, где людям нужен был свет. Когда всё устроено хорошо, оно часто выглядит красиво само по себе.

Полина записала. Она не собиралась соглашаться с человеком только потому, что он выразился убедительно. Однако мысль была хорошей.

— А почему на современной стене прямоугольник светлее остальной кладки?

— Вывеску снимали. В семидесятых там была ремонтная мастерская речного хозяйства. На стене крепили металлические буквы. Часть следов осталась. Можно посмотреть в архивных фотографиях.

Вера Борисовна всплеснула руками:

— Вот! Я же говорю, он полезный, когда не спорит.

— Вера Борисовна, я и когда спорю полезный.

— Это твоё личное мнение.

Ближе к полудню председатель ассоциации перезвонил музею. Вера Борисовна ушла разговаривать, прикрыв дверь, а Полина с Ильёй остались у окна. Снизу доносились детские голоса: в художественной школе закончился урок.

— Вчера я была резкой, — сказала Полина, листая снимки. — Мне следовало сначала выяснить, почему вы там стоите.

Илья посмотрел на неё без удивления.

— Мне следовало поставить машину так, чтобы она никому не мешала. У Нины Павловны сто лет одно и то же: «я думала, вы позже». Я тоже мог подумать.

— Значит, мир?

— Мы уже помирились.

Он обезоруживающе улыбнулся. Улыбка изменила его лицо сильнее, чем Полина была готова признать. Впрочем, она за последние месяцы не собиралась ни к чему быть готовой — особенно к местным мужчинам, хорошо умеющим переносить оконные рамы.

— Вы давно здесь живёте? — спросила она.

— Всю жизнь, если не считать учёбы и нескольких лет работы в Нижнем. А вы?

— Два дня.

— Уже успели поссориться с архитектором. Темп хороший.

— У меня есть опыт плотных графиков.

Илья засмеялся негромко, как человек, у которого смеяться с незнакомыми людьми входит в число необязательных занятий.

Вернулась Вера Борисовна. Лицо у неё было деловое.

— Сумму подтвердили. Девяносто тысяч за весь комплект, включая текст, структуру маршрутов и одну согласованную редактуру после замечаний. Фотографии оплачивают отдельно. Первую часть перечислят после договора, оставшуюся — после приёмки. Полина, это вас устраивает?

— В целом да. Но сроки и способ передачи замечаний я всё равно внесу в договор. И кто согласует итог: вы или ассоциация?

— Единым списком от ассоциации, — уверенно сказала Вера Борисовна и посмотрела на Илью. — А мы с ним можем советовать, но не решать за заказчика.

Полина оценила такую расстановку ролей. Девяносто тысяч за работу на несколько недель не делали её богатой, но позволяли не хвататься за следующий бессмысленный заказ. К тому же это был проект, который ей хотелось вести самой. Она сказала, что вышлет реквизиты и правки к договору вечером.

— Хорошо, — кивнула Вера Борисовна. — Идите тогда на улицу. Илья, покажи ей склад. Только с правильной стороны, я вас прошу.

— Мне самому туда надо, — ответил он. — Встречаюсь с инженером по кровле.

Они вышли вместе. На лестнице Илья остановился, пропуская девочку с огромным листом ватмана. Девочка не удержала лист; тот развернулся, заслонив весь проход. Илья поймал край, помог свернуть и сказал: «Главное — рисунок не сомни». Полина ожидала привычного раздражённого «осторожнее», но он сказал это так буднично, что девочка только кивнула и побежала дальше.

До набережной они шли через площадь и короткий переулок с двухэтажными домами. Илья по дороге объяснил, почему мостовая местами провалилась и что раньше здесь проходила грузовая ветка. Полина попросила не торопиться и записывала названия улиц. Он пару раз умолк, решив, что мешает. Она попросила продолжать. Разговор постепенно сделался удобным.

— Вы хотите в путеводитель включить всё самое красивое? — спросил Илья.

— Нет. Всё, ради чего хочется пройти маршрут и потом посоветовать его другому. Красота помогает, но не обязана быть единственной причиной.

— Согласен. Только не пишите, что наш пруд образовался в карьере древнеримского амфитеатра. Такое уже было.

Полина посмотрела на него.

— Кто написал?

— Один сайт для туристов. Видимо, у них закончились отечественные карьеры.

Она засмеялась. За углом показался склад.

Днём он выглядел хуже, чем вечером. Высокие окна на первом этаже были забраны фанерой, часть кирпичей у угла выкрошилась, жестяной водосток болтался на одном креплении. Вдоль тротуара тянулась временная сетка, местами заваленная прошлогодними ветками. Над задним крылом крыши заметно просела.

— Останьтесь тут, — попросил Илья, когда они дошли до противоположной стороны улицы. — Здесь безопасно.

Полина посмотрела на здание, потом на него.

— Я не собиралась лезть внутрь.

— Так все и говорят. А потом вижу в окне чей-нибудь телефон с фонариком.

Он показал, где на старой фотографии была разгрузочная рампа, а где проходила прежняя линия берега. Полина начала понимать, почему от здания трудно отвести взгляд: оно стояло чуть под углом к улице, словно поворачивалось к реке. Его проектировали не только для людей на суше — его было видно с воды.

— За ним кто-то ухаживал последние годы? — спросила она.

— По мере возможностей. Закрывали проёмы, чистили водостоки, однажды перекрыли половину крыши. Но здание долго переходило между ведомствами. Когда собственник отвечает только за аварии, любая вещь со временем становится аварией.

— И сколько стоит спасти?

— Что именно считать спасением?

— Чтобы крыша не упала. Для начала.

— Это несколько миллионов. Для полного приспособления под новую функцию — гораздо больше. Без обследований конкретные цифры будут гаданием, а я за гадания деньги не беру.

— По крайней мере, честно.

— Это профессионально.

Она хотела спросить, что именно собирается делать инвестор, но к ним подошёл мужчина в сигнальном жилете и с папкой под мышкой. Илья представил его как Олега, инженера-конструктора. Они обменялись парой фраз про состояние перекрытий; Полина поняла только, что хороших новостей у здания немного.

— Мне пора, — сказала она. — Спасибо за экскурсию.

— Это была не экскурсия.

— Ещё лучше. Значит, в счёт будущих замечаний не пойдёт.

Илья протянул руку.

— Полина, одну вещь запишите точно. Не надо обещать людям, что дом обязательно спасут. Пока этого никто не знает.

— Я не обещаю того, чего не могу сделать.

— Тогда договорились.

Она пожала ему руку и пошла вверх по Речной. На углу оглянулась. Илья стоял рядом с инженером и смотрел на здание тем же внимательным, неприветливым взглядом, с каким в воскресенье смотрел на свои драгоценные оконные рамы.

Вечером Полина отправила проект договора и набросок маршрута: от старой городской площади к реке, вдоль бывших торговых рядов до пристани. У склада поставила пометку: «Остановка с противоположной стороны улицы. История здания — без обещаний о будущем».

Через десять минут от Веры Борисовны пришло сообщение: «Хороший подход. Илья говорил, что ты умеешь слушать. Для него это почти высшая похвала».

Полина перечитала сообщение дважды, разозлилась на себя и убрала телефон экраном вниз.

У неё было достаточно дел, чтобы не тратить вечер на вопрос, почему чужая похвала оказалась так приятна.

Глава 4. Маршрут без обязательств

В среду утром Полина распечатала первую карту города на домашнем принтере Нины Павловны. Принтер был старый, массивный и после каждой страницы издавал вздох, как человек, которого попросили перенести диван на пятый этаж. Зато печатал. Синие улицы на листе слегка уходили в сиреневый, а Ока получилась тёмно-зелёной.

— Отлично, — сказала Полина, доставая бумагу. — Теперь у нас есть секретная река.

— Он у меня цветной картридж с зимы просит, — сообщила Нина Павловна, стоявшая в дверях. — Но я не вижу разницы. Для заявлений хватает.

— Разница только в оттенке катастрофы. Я вам бумагу куплю.

— Купишь, когда всю стопку извела бы. А так не надо. Лучше скажи, когда ты мне покажешь этот ваш путеводитель.

— Когда сама перестану в нём путаться.

На бумаге всё казалось просто: площадь, сквер, старые лавки, набережная, пристань, обратный путь по тенистой улице. Но в реальности маршруты существовали не для прямых линий. Надо было понять, где пожилой человек сможет присесть, куда идти с коляской, в каком дворе не окажется собаки за хлипким забором, и какая дорога после дождя превратится в липкую кашу.

Полина надела удобные кроссовки, убрала в рюкзак бутылку воды и вышла пораньше. К полудню обещали двадцать три градуса — для мая почти лето. Ветер с реки пока оставался прохладным.

Она прошла первую часть маршрута с часами в руке. От площади до сквера — семь минут, если не отвлекаться; до старых торговых рядов — ещё пять. Здесь открывался неудобный участок: тротуар внезапно заканчивался, и приходилось идти по краю дороги. На карте этот тротуар был нарисован аккуратной линией. На месте он представлял собой добрые намерения администрации десятилетней давности.

В «Причале» Лена посоветовала зайти к Антонине Семёновне — хозяйке магазина тканей на Речной.

— Она тут помнит всех, кто в какие годы женился, и до сих пор хранит фотографии старой вывески, — сказала Лена. — Только вы ей не говорите, что собираете «истории успеха малого бизнеса». К ней такой мальчик приезжал, она его чуть рулоном ситца не выгнала.

— А что он сделал?

— Спросил, сколько у неё выручки. Не поздоровавшись.

Магазин оказался неожиданно большим. Пахло тканью, мелом и чем-то сладким, как в школьных швейных мастерских. За высоким прилавком сидела женщина лет семидесяти с густыми седыми волосами, заколотыми двумя металлическими шпильками. Она взяла у Полины лист с примерным маршрутом и прочитала его от начала до конца, не предложив присесть.

— А кто вам разрешил назвать этот переулок Купеческим? — спросила наконец.

— Так на карте написано.

— На новых картах много чего написано. У нас его всегда звали Банный. Потому что там баня была. Купеческим назвали при прошлой администрации, когда решили, что так красивее.

— Я могу указать оба названия.

— Вот и укажите. Человеку иногда полезно знать, что было раньше. А то у нас через двадцать лет решат, что купцы всё сами мылись, а остальных не существовало.

Антонина Семёновна сняла очки, посмотрела на Полину с большим интересом и принесла из подсобки картонную коробку с открытками. На обороте одной был штампель тысяча

девятьсот шестьдесят второго года. Открытка изображала пристань и людей у кассы; кромка фотографии захватывала склад Князевых.

— Эту мне брат прислал, когда служил. Просил конверт не терять. Конверт потеряла, открытка осталась. Он же здесь работал до армии, в речном пароходстве.

— Вы позволите сфотографировать?

— Если для дела — пожалуйста. Только имя его напишите правильно: Аркадий Семёнович Кузнецов. Мне, знаете, обидно, когда живых людей из истории вычеркивают. Написали однажды, что пристань строили одни купцы. А мой отец там двадцать лет грузил мешки. У него спина до самой смерти болела, ни один купец её не лечил.

Полина осторожно разложила открытки на прилавке.

— Я не хочу делать город открыткой. Мне кажется, в таком путеводителе должны быть люди.

— Тогда не называйте наш старый склад «забытой жемчужиной», — сказала Антонина Семёновна. — Ему каждый год половина города обещает судьбу устроить. Одни хотят ресторан, другие музей, третьи просто, чтобы он не обвалился. А он стоит и никого не слушает.

— Вы бы что там сделали?

Женщина задумалась. В соседнем помещении заработала швейная машина; откуда-то появилась девушка с коробкой ниток и, не мешая разговору, ушла обратно.

— Мне бы нравилось, если бы там снова были люди. Обычные, не те, у кого на день рождения можно снять зал за пятьдесят тысяч. Брат говорил, в конторе раньше было тепло зимой. Можно было зайти спросить про рейс, письмо оставить. Кто-то газету читал. Сейчас туда не зайти, а вокруг всё собираются сделать красивую прогулку. Где же она, прогулка, если человек должен мимо жизни ходить?

Полина записала последнюю фразу дословно, спросив разрешения. Антонина Семёновна кивнула, но потребовала, чтобы запись не превратили в жалобу на власть: «Я с местными ругаюсь сама, не надо мне помощников из Москвы».

Через сорок минут Полина вышла из магазина с фотографиями, двумя открытками, которые ей разрешили взять для оцифровки, и метром голубой хлопковой ткани.

Ткань она купила из вежливости. Что с ней делать, понятия не имела.

К середине дня маршрут перестал быть отвлечённой работой. У него появились голоса. Скамейка возле бывшей бани, продавщица в магазине снастей, старый мужчина с удочками, показавший в первый вечер удачную точку для снимка, — всё это могло стать частью прогулки. Нужны были ещё факты, проверка дат, согласование фотографий, но Полина впервые за долгие месяцы ловила себя на желании работать не потому, что срок горит, а потому, что хочется понять больше.

На набережной её телефон зазвонил. Дима.

Полина остановилась возле недавно посаженных лип и ответила не сразу. Он звонил вчера, но тогда она отправила сообщение, что находится на встрече. Сейчас откладывать дальше было бессмысленно.

— Привет.

— Поля, привет. У тебя минутка есть?

— Есть.

— Смотри, по квартире появился покупатель. Предлагает на двести ниже нашей цены, но готов быстро выходить на сделку. Я бы соглашался.

Она смотрела на воду. С другой стороны реки, у берега, медленно шёл теплоход без пассажиров.

— У нас была договорённость, что сначала смотрим рынок до конца месяца.

— Да, но сейчас хороший шанс. Потом может быть хуже. Ты же понимаешь, что деньги тебе понадобятся.

Раньше Полина сказала бы: «Наверное, ты прав». Потом два дня объясняла бы себе, почему действительно прав. Теперь не хотелось ни спорить, ни соглашаться.

— Понадобятся, — сказала она. — Поэтому мне не всё равно, какую сумму мы получим. Давай попросим риелтора прислать письменное предложение. Я посмотрю сравнимые продажи и отвечу завтра.

— Полин, я это уже посмотрел.

— Я знаю. Хочу посмотреть сама.

Пауза продлилась достаточно долго, чтобы мимо неё успели пройти две женщины с колясками.

— Ладно, — сказал Дима. — Как скажешь. Я просто хотел сэкономить нам время.

— Спасибо. Завтра отвечу.

— У тебя как вообще? Устроилась? Работа есть?

— Устроилась. Делаю местный проект, ещё есть старые заказчики.

— Это же временно?

— Сейчас всё временно.

Он вздохнул. Полина знала этот вздох: раньше после него следовало что-нибудь разумное, обстоятельное и не вполне приятное.

— Если что, я могу поговорить с ребятами. У них в медиагруппе позицию открывают, руководитель контента. Зарплата, правда, ниже твоей старой.

— Дима, спасибо. Пока не надо.

— Ты не думай, что я лезу.

— Я и не думаю. Просто хочу попробовать сама.

Когда она закончила разговор, у неё дрожали руки. Не от страха перед бывшим мужем. Он никогда не повышал на неё голос и не запрещал ей работать, ездить или встречаться с друзьями. Но за десять лет они настолько привыкли к тому, что все сложные вопросы решает Дима, что каждое её самостоятельное «погоди» казалось ему необъяснимой задержкой, а ей — маленьким нарушением порядка.

Полина села на скамейку. Открыла мессенджер, потом закрыла. Хотелось написать Кате: «Слушай, я сама решаю про квартиру, представляешь?» Но в этой фразе было что-то унижительное. В тридцать пять лет не стоило устраивать себе праздник из права прочитать документы.

Она достала блокнот и дописала заметку об удобстве маршрута для людей с колясками. Солнце грело шею. Где-то за спиной двое школьников спорили, сколько стоит сломанная лодка, если купить её целиком. Один предлагал четыреста рублей, второй сто пятьдесят и велосипедный насос.

— Я бы за четыреста не брал, — сказал негромкий голос.

Полина подняла голову. Илья стоял на дорожке с бумажным стаканом и большим тубусом для чертежей. На этот раз его появление показалось почти закономерным. Город был маленький, набережная одна, а дом, ради которого они оба сюда ходили, стоял в пятидесяти метрах.

— Почему? — спросила она.

— Насос дороже обойдётся. У этой лодки днища нет.

Полина засмеялась.

— Вы подслушиваете детей?

— Я тут с детства живу. От привычки не избавился.

Он кивнул на блокнот.

— Работаете?

— Проверяю маршрут. Выяснилось, что улица, на которой люди должны гулять, местами не оборудована тротуаром.

— Это Речная. Там всё время хотели расширить проезд. Теперь проезд расширили, а пешеходы как-нибудь сами.

— Вы так говорите, словно сердитесь.

— Сердился, когда проект обсуждали. Сейчас просто констатирую. Может, что-то ещё изменится.

Он сел на другой край скамейки, оставив между ними расстояние, в котором вполне помещался бы третий человек. Полина была ему за это благодарна. Чужая близость в последнее время утомляла сильнее, чем одиночество.

— Были у Кузнецовой? — спросил он, заметив на верхней странице блокнота имя Антонины Семёновны.

— Откуда знаете?

— К ней все рано или поздно попадают. Я однажды полтора часа слушал историю о том, как мой дед неправильно прибил вывеску на почте. Хотя он к той вывеске отношения не имел.

— У неё замечательные фотографии. И она помнит, как склад работал в шестидесятые.

— Её брат работал в пароходстве. Документам, кстати, иногда можно верить меньше, чем таким воспоминаниям. Только проверять всё равно придётся.

— Я уже поняла: в этом городе нельзя просто любить красивый дом. Нужно получить согласование у вас.

— Можно любить. Только не забывать, что за кирпичами иногда прячется мокрая балка.

Полина посмотрела на него. Сегодня Илья казался усталым: под глазами залегли тени, ворот рубашки был расстёгнут, на манжете осталась меловая полоска.

— Плохие новости по складу?

— Не хорошие. По крыше требуется дополнительное обследование. Инвестор хочет к следующей неделе получить решение, возможна ли реконструкция с сохранением старого фасада.

— А с сохранением здания?

— Вот именно это я и пытаюсь ему объяснить.

— Неужели он не понимает разницы?

— Понимает. Просто у него свой расчёт. Он вкладывает деньги, ему нужно, чтобы объект работал. У города денег на всё сразу тоже нет. А мне бы хотелось сохранить то, ради чего, собственно, всё затевается.

— Вы же могли отказаться.

— Отказаться от оценки? Тогда её сделает кто-нибудь, кто посмотрит на фасад только на фотографии. Я предпочитаю хотя бы назвать настоящие цифры.

Это был ответ, на который Полина не нашлась что возразить. Она сама много лет делала коммерческие проекты, в которых хорошие идеи проходили через бухгалтерию и чужие сроки. Не всё, что казалось компромиссом, было предательством. Иногда компромисс оказывался единственным способом довести дело до конца.

— Антонина Семёновна сказала, что хотела бы видеть там обычных людей, — произнесла Полина. — Не музей за закрытой дверью, а место, куда можно прийти просто так.

— «Просто так» сложно вписать в смету.

— Зато можно попробовать придумать, за счёт чего оно будет жить.

Илья повернул к ней голову. Не с насмешкой, как она ожидала, а с интересом.

— Попробуйте. Только реальные деньги, Полина. Не «город должен», не «инвестор обязан», не «найдётся меценат». Конкретные расходы и кто их несёт.

— Это вызов?

— Это мысли вслух. Мне самому нужен ответ.

Полина собиралась сказать что-нибудь колкое, но передумала. Честный разговор требовал честного ответа.

— Тогда покажите мне расчёты, которые можно показывать. Не техническую экспертизу, а порядок сумм. И объясните, что именно нельзя потерять.

— В четверг у меня есть час после пяти. Могу показать, что уже известно. Но я не обещаю, что вам понравится.

— Я вообще не нанималась нравиться этому зданию, — ответила Полина.

— Зданию — точно нет. Оно довольно равнодушно к людям.

Они посидели ещё немного, глядя, как подростки наконец решили не покупать лодку, а перевернуть её и изучить. Потом Илья поднялся: ему пора было за сыном.

— У вас сын? — спросила Полина раньше, чем успела решить, уместен ли вопрос.

— Всеволод. Сева. Ему шесть. Сегодня у него занятия до пяти, и я обещал не опоздать. У нас с этим строго.

Он сказал это с такой серьёзностью, что Полина представила маленького человека, у которого действительно есть право требовать пунктуальности от взрослых.

— Тогда не задерживаю.

— Завтра напишу место встречи. И лучше к пяти тридцати: после пяти мне ещё нужно забрать сына у Ксении.

— Ксения — это?.. — начала Полина, тут же пожалев о вопросе.

— Его мама. Мы с ней вместе растим Севу, просто живём отдельно. Ксения забирает его по средам, а в четверг он со мной.

Илья не объяснялся и не оправдывался. Просто сообщил порядок вещей, который для него был обыкновенным. Полина кивнула.

— Понятно.

Он ушёл к парковке у площади. Полина ещё какое-то время сидела с блокнотом. Потом открыла карту и зачеркнула старый вариант пути по Речной. Вместо него нарисовала обход через тихий переулок, где сохранились старые деревянные ворота. По дороге турист увидит чуть меньше фасадов, зато не придётся просить автомобилистов делить с ним проезжую часть.

К вечеру она закончила черновой текст первых четырёх точек, отправила Андрею правки к московскому материалу и изучила предложение риелтора по квартире. Цена действительно была ниже их предложения, но покупатель предлагал наличный расчёт и быстрый выход на сделку. Полина подготовила встречное предложение, отдельно расписав, какие сроки ей подходят. Отправила Диме и риелтору одновременно.

Дима ответил через несколько минут: «Нормально. Так и сделаем».

И почему-то именно это короткое сообщение оказалось лучшей частью их разговора за всю неделю.

Перед сном Полина поставила на стол голубую ткань из магазина Антонины Семёновны. Выяснилось, что её ровно хватит на две наволочки для маленьких диванных подушек. Шить Полина не умела, но внизу у Нины Павловны стояла машинка, а в городе, очевидно, нашлось бы кому объяснить, как за неё садиться.

В Москве она бы вряд ли потратила время на наволочки. Здесь ей вдруг захотелось попробовать.

Телефон мигнул сообщением от неизвестного номера:

«Полина, это Илья Лавров. В четверг в 17:30 в “Причале”? Я возьму материалы. И предупреждаю: если будете делать снимки для путеводителя, со второго столика у окна вид на Речную лучше. Проверено».

Она улыбнулась, прежде чем успела себя остановить.

«Договорились, — написала Полина. — Но место у окна я теперь бронирую заранее».

Ответ пришёл почти сразу:

«Разумная мера. С парковкой уже проверили».

Полина рассмеялась вслух. Затем положила телефон на тумбочку и погасила свет. На завтра у неё были собственные дела, и одно приглашение на деловую встречу ничего в этом не меняло.

Она всё ещё не знала, останется ли в Липовой Пристани до конца лета. Но впервые за долгое время ей хотелось выяснить, чем закончится следующая неделя.

Глава 5. Цена красивого вида

В четверг в пять двадцать Полина сидела в «Причале» у второго столика от окна. Заказала чай вместо кофе, потому что два больших капучино за день уже были перебором, и разложила на столе блокнот, копию исторической фотографии, полученной от Антонины Семёновны, и лист с вопросами.

Встреча с архитектором представлялась ей чем-то вроде консультации: час поговорят о здании, он объяснит, что нельзя ломать, она запишет. Если повезёт, узнает что-нибудь, о чём не рассказывают на экскурсиях. Если не повезёт — получит ещё одну профессиональную лекцию, после которой захочется немедленно защитить кандидатскую диссертацию назло лектору.

У двери звякнул колокольчик. Илья вошёл с небольшой папкой под мышкой и мальчиком в жёлтой куртке, который нёс обеими руками пластмассовую коробку с деталями конструктора. Мальчик был похож на отца взглядом — сосредоточенным и одновременно немного насмешливым. Илья увидел Полину и сразу направился к её столику.

— Добрый вечер. Мы не поздно?

— На пять минут раньше.

— Это Сева. Он сегодня со мной. Если вам неудобно, можем перенести.

Мальчик посмотрел на Полину так внимательно, словно от её ответа зависело, придётся ли ему возвращаться домой без какао.

— Мне удобно. Только у нас разговор, скорее всего, скучный, — предупредила она.

— Я умею скучать, — сообщил Сева.

— Впечатляющий навык для шести лет.

— Мне уже шесть и четыре месяца.

— Тогда тем более.

Илья представил Полину как человека, который делает карту города. Сева оживился, поставил коробку на стол и попросил показать карту. Его интересовала не набережная, не старые дома и даже не сквер. Он искал на карте пожарную часть, которую Полина, к собственному стыду, пока не отметила.

— Она на Школьной, — сообщил Сева и ткнул пальцем куда-то между площадью и больницей. — Тут. Там пожарная машина красная, и у неё сзади лестница.

— Обычно у пожарных машин лестница сверху, — заметил Илья.

— У этой сзади. Потому что она другая.

— Достойный аргумент.

— Я могу её нарисовать, — предложил Сева.

Лена принесла ему карандаши и лист бумаги. Судя по тому, как она поинтересовалась праздником в садике и разрешила взять из витрины печенье «то самое, с орехами», мальчика здесь знали хорошо. Сева перебрал карандаши, признал один слишком коротким, второй сломанным и наконец приступил к работе. Полина неожиданно обнаружила, что рядом с ребёнком можно разговаривать, не изображая восторг по каждому поводу. Сева точно знал, какие вопросы его интересуют, а чужие не требовали ответа.

Илья раскрыл папку.

— Начнём с того, чего я не могу показывать. Подробного отчёта пока нет, и коммерческие материалы заказчика не для публикации. Но общую картину расскажу. Склад состоит из старого основного объёма и поздней пристройки. Основной объём интересен: кирпичная кладка, деревянные перекрытия, металлические связи. Пристройка сзади моложе, там мало что сохранилось.

Он положил перед ней план с цветными штриховками.

— Красным отмечены проблемные зоны. Верхние перекрытия в плохом состоянии. Крыша тоже. Наружные стены в основном лучше, но есть локальные повреждения. Своими руками я эти цифры не считал: нужны расчёты конструктора, обследования, лаборатория. Сейчас можно обсуждать только порядок затрат.

— Несколько миллионов на то, чтобы остановить разрушение, — повторила Полина.

— Да. А потом возникнет самое дорогое: как заставить здание жить. Отопление, вентиляция, сети, пожарная безопасность, доступность, эксплуатация. Их с фотографии не видно, но счёт они выставляют исправно.

— Можно ведь не всё сразу открыть. Часть помещений, допустим, сначала.

— В принципе можно. Но только если конструктивная схема и инженерные системы позволят. Я не стану советовать начать ремонт, не понимая, где остановится вода, когда потечёт общая крыша.

Он говорил спокойно, без снисхождения. Полина заметила, что Илья каждый раз отделяет известное от предположений, а прогнозы — от желаний. Ей это нравилось. Гораздо меньше нравилось, что после его объяснений самые красивые идеи становились неудобными.

— А что хочет инвестор?

Илья задумался, потом повернул к ней лист с эскизом, который, судя по всему, был общедоступной презентацией.

— Вот то, что они показывали на встрече с городом. Ресторан, небольшой гостиничный блок, площадка для мероприятий. Со стороны реки — новая терраса. Старый облик хотят воспроизвести.

На рисунке здание выглядело идеально ухоженным, а набережная — настолько солнечной, будто в Липовой Пристани отменили ноябрь. Вокруг сидели счастливые люди, одинаково одетые в бежевое. Полина мгновенно узнала язык рекламных визуализаций: обещание безупречной жизни, из которого предусмотрительно убраны все неудобные подробности.

— Красиво, — сказала она.

— Да.

— Но?

— Но ради нужной площади придётся многое заменить. И от старого здания может остаться только наружная оболочка. И то не вся.

— А если оставить оболочку, что плохого?

— Иногда это единственный способ сохранить городской силуэт. Я не против нового строительства из принципа. Просто нужно честно назвать такую работу новым зданием за старым фасадом, а не реставрацией.

Полина посмотрела на эскиз. На месте двора была нарисована стеклянная пристройка. По картинке казалось, что вся береговая линия теперь принадлежит посетителям, готовым платить за завтрак с видом на реку.

— Там раньше люди могли проходить к воде?

— Да. Служебная дорога вела к причалу. Потом участок огородили, но исторический проход был.

— И новый проект его закрывает.

— На эскизе — да. Авторы обещают общественную часть террасы, но пока там много слов «предполагается».

— Они могут оставить проход открытым. Сделать его частью маршрута.

— Могут. Но тогда нужно решить, кто отвечает за безопасность, уборку, свет, охрану, и почему собственник должен содержать проход, которым пользуются не только его гости.

— Можно договориться с городом.

— Можно. Вы ведь за этим сюда и приехали? Договариваться?

Он сказал это не зло. Скорее устало.

— Я сюда приехала пожить два месяца, — ответила Полина. — Мне было важно не принимать чужих решений. А тут вы показываете картинку, на которой через пять лет половина набережной будет доступна только после заказа столика. Да, мне от этого не по себе. Даже если я здесь случайная.

Илья посмотрел на неё долгим взглядом, и Полина впервые почувствовала, что он хотел бы ответить иначе, но сдерживается.

— Мне тоже не по себе, — сказал он наконец. — Поэтому я и занимаюсь обследованием. В этот момент Сева положил между ними лист бумаги.

— Я нарисовал пожарную машину. И реку, чтобы было красиво.

Пожарная машина получилась с длинной синей лестницей, уходящей прямо в облако. Рядом стоял дом с огромной дверью, а у воды плавал красный круг, похожий на бублик.

— Это спасательный круг, — пояснил Сева, заметив взгляд Полины. — Люди туда падают, а его им кидают.

— Надеюсь, не часто, — сказала она.

— Папа говорит, всегда надо рисовать спасательный круг. Потому что если его нет, то потом уже поздно.

Илья вздохнул.

— Один раз сказал. Когда мы рисовали катер.

— Значит, хорошая мысль, — серьёзно ответила Полина.

Сева согласился и принялся есть печенье. Илья убрал эскиз, закрыв им вопрос, который они пока не могли решить. Лена принесла счёт, но Полина попросила не забирать чашки: разговор явно продолжался.

— Вы не хотите показать мне ещё одну фотографию? — спросила она. — Из музея. Там перед зданием стоят два мальчика с велосипедом.

— Тысяча девятьсот девятый? Помню. Один из них, кстати, мог быть племянником Князева, но подтверждений нет.

— Не это. Меня интересует, откуда снимали. Если фотограф стоял ниже дороги, на старом причале, значит, с водой была совсем другая связь. Мне хочется это объяснить в маршруте.

Илья придвинул лист к себе и начал рассматривать так, словно видел впервые. Потом достал из папки карандаш и начертил на салфетке две линии: берег нынешний и берег начала прошлого века. Сева немедленно заинтересовался и потребовал карандаш себе. В результате схема пополнилась кораблём с тремя трубами, что исторической точности не добавило, но сделало её гораздо понятнее.

— Вы правы, — сказал Илья после паузы. — Если показать, как сюда подходили с реки, набережная перестанет выглядеть набором старых фасадов. У людей появится другой взгляд на место.

— Ага. То есть иногда и человек с путеводителем может оказаться полезным.

— Я, кажется, этого не отрицал.

— Вы произнесли «иногда» с таким выражением, что я всё поняла.

Илья улыбнулся, но на этот раз не стал отшучиваться.

— Давайте так. Я поговорю с Верой Борисовной: вдруг у них есть старые планы берега, которых я не видел. А вы попробуйте собрать мысли людей о том, зачем им вообще нужен этот дом. Без предварительного вопроса «вы за сохранение?». Иначе все будут за сохранение, пока не узнают цену.

— Зачем вам это?

— Я хочу иметь хотя бы один вариант, при котором здание остаётся зданием, а не ширмой. Инвестор, между прочим, не обязан его покупать. Если он откажется, дом так и останется муниципальным и будет разрушаться дальше. Мне нужен разговор не о том, кто хороший, а о том, как реально сделать лучше.

— И вы верите, что его можно убедить?

— Я верю в расчёты. А люди иногда меняют решения, когда видят цифры и понимают, что получают взамен.

Полина посмотрела на него. В его словах не было романтической уверенности, будто достаточно всем собраться и взяться за руки. Но в них была работающая надежда, которую не стыдно проверить.

— Хорошо. Попробую, — сказала она. — Только это уже выходит за рамки моего договора на путеводитель.

— Поэтому не обещайте никому результата. Тем более мне.

Сева сполз со стула и подошёл к отцу.

— Пап, можно мы пойдём? Я очень хочу домой строить мост.

Илья посмотрел на часы.

— Через пять минут. Собери карандаши.

Сева собрал семь штук, восьмой забыл под салфеткой. Полина достала его и протянула мальчику. Тот поблагодарил, потом вдруг спросил:

— А вы в Пристани насовсем?

Вопрос застал её врасплох.

— Пока не знаю.

— У нас хороший город, — сказал Сева. — Только зимой холодно, и на качелях иногда лёд.

— Это серьёзный недостаток.

— Папа говорит, недостатки можно чинить.

— Не все, — тихо произнёс Илья.

Сева не услышал. Он уже пытался застегнуть жёлтую куртку и держал коробку конструктора подбородком. Илья помог ему, проверил, не забыли ли рисунок, и поблагодарил Полину за встречу. Когда они вышли из кофейни, Сева взял отца за руку и что-то горячо начал объяснять про мост. Илья наклонился, чтобы расслышать.

Полина смотрела им вслед без какой-либо определённой мысли. Наверное, в Илье ей нравилось то, что он не притворялся свободным человеком без обязательств. У него были сын, работа, город, от которого он не собирался отказываться. Это должно было предупреждать, а не привлекать. Сейчас, впрочем, всё было проще: ей предстояло написать путеводитель, а не оценить пригодность нового знакомого для совместной жизни.

Она открыла блокнот и записала два вопроса: «Чего люди лишатся, если здание исчезнет?» и «Кто готов приходить туда после ремонта — и за чем?»

Второй нравился ей больше. Первый неизбежно вёл к воспоминаниям, второй — к будущему.

Когда Полина уже собиралась уходить, телефон коротко завибрировал. Вера Борисовна прислала фотографию документа, повернутую боком. Полина увеличила снимок. На листе, составленном городской администрацией, стоял заголовок: «План рассмотрения предложений по объектам муниципального имущества». Ниже — адрес склада Князевых и дата заседания комиссии: третье июня.

«Пишу заранее, — следовало за фотографией. — На комиссии будут обсуждать условия передачи объекта. Времени немного. Если хочешь успеть включить склад в маршруты, надо определиться, как о нём говорить. И если Илья придумает альтернативу, ему потребуется помощь с историей».

До третьего июня оставалось меньше трёх недель.

Полина ещё раз посмотрела на дату, потом на лист с вопросами. Она приехала в Липовую Пристань, чтобы на пару месяцев перестать решать чужие проблемы. Город, похоже, был с этим намерением не знаком.

Впрочем, никто не заставлял её за что-либо браться. Можно было написать хорошие тексты, получить деньги и уехать. Это было разумно. Для первого раза даже очень разумно.

Полина убрала документы в сумку, расплатилась за чай и вышла к реке. Весенний вечер пах влажным кирпичом, распутившейся листвой и чьими-то жареными пирожками. Над старой набережной зажигались фонари. Из-за крыш было видно верхушку склада — тёмную башенку с пустым круглым проёмом.

Она прошла мимо поворота домой и свернула вниз.

Всего на десять минут. Просто посмотреть ещё раз.

Глава 6. Кому нужен дом Князевых

Утром в пятницу Полина обнаружила, что совершенно не умеет задавать простой вопрос.

Она написала его в блокноте ещё накануне: «Что должно появиться в доме Князевых, чтобы вы туда ходили?» Выглядело безобидно. Она всё ещё машинально называла дом складом, как большинство местных, хотя после встречи с Верой Борисовной знала: в основном корпусе принимали посетителей речной конторы, работали служащие, а в сезонных комнатах жили люди. Товарные помещения были лишь одной частью его долгой жизни. Честный вопрос, открытый, без подсказок. Но, перечитав его за завтраком, Полина поняла, что ответ «общественное пространство» ей совершенно не нужен. Так отвечали люди, которые не представляли ни расходов на отопление, ни человека с ключом от туалета в воскресенье вечером.

«Куда бы вы пришли сами и за что готовы заплатить?» — написала она ниже.

Вопрос получился хуже. Будто она собиралась брать с горожан деньги за право смотреть на собственную реку.

Полина отодвинула тетрадь, вытерла со стола крошки и встала к зеркалу в прихожей. В последние месяцы она почти перестала обращать внимание на свою внешность, если не предстояло видеозвонка. Сейчас увидела женщину с тёмно-русыми волосами до ключиц, собранными кое-как, с выгоревшей у виска прядью, узким лицом и чуть упрямым подбородком. Карие глаза после недосыпа казались слишком тёмными. В молодости ей говорили, что она похожа на актрису; в последнее время — что устала. Второе было точнее, но приятнее от этого не становилось.

Она распустила волосы, расчесала их и надела лёгкую зелёную рубашку. За окном девочка в розовых сапогах разливала из пластиковой лейки воду на асфальт. Собака наблюдала за происходящим без всякой надежды понять замысел.

На кухне зазвонил телефон.

— Я ничего у тебя не спрашиваю, — сказала Катя вместо приветствия. — Просто выясняю, жива ли ты. У тебя в переписке из событий только кирпичный дом и мужчина с автомобилем. Это настораживает.

— Ещё у меня появился заказ.

— Отлично. Дом заплатил?

— Ассоциация предпринимателей. Девяносто тысяч за путеводитель.

— Уже лучше. А мужчина?

— Мужчина объясняет мне, почему нельзя разбирать старое здание ради красивого фасада.

— Поля, я тебя столько лет знаю. Ты ещё ни о ком не говорила так долго, не назвав человека занудой.

— Он зануда. Просто квалифицированный.

Катя засмеялась и тут же спросила, как идут дела с квартирой. От её привычного быстрого перехода с шуток на практические вопросы Полине стало легче. Они познакомились на первом курсе, когда Катя без спроса заняла её место на лекции и за пятнадцать минут успела убедить Полину, что преподаватель неправ, общежитие требует ремонта, а в столовой самая съедобная вещь — булочка с маком. Катя и сейчас работала с людьми, которых надо было уговаривать, только теперь называлась директором по развитию.

— Риелтор ждёт ответ на встречное предложение, — сказала Полина. — Дима согласен подождать.

— Вижу, ты снова управляешь процессом.

— Не начинай. Слушай, я правда занята. Мне нужно выяснить, кому нужен дом Князевых.

— Спроси у тех, кто живёт рядом. Только не заводи им анкету на сорок страниц. У тебя с этим бывает.

Полина посмотрела на открытый ноутбук. В таблице уже было одиннадцать колонок.

— У меня восемь.

— Восемь? То есть до анкеты на сорок страниц осталось совсем немного. Удачи.

После разговора Полина удалила из таблицы столбцы «социальная группа» и «предполагаемая вовлечённость», а два столбца с ответами объединила в один. Оставила возрастную категорию, обычные маршруты по городу, потребности и, отдельно, разрешение на цитирование. С собой взяла распечатку фотографии дома Князевых и маленький диктофон, хотя в итоге решила записывать от руки: с блокнотом люди разговаривали иначе, чем с включённым телефоном.

В «Причале» Лена протирала стеклянную дверь. На улице было тепло, но ветер с реки нёс такую влажность, что полотенце оставляло разводы. Лена, высокая, очень худая, с рыжим хвостом и маленькой серебряной серьгой в брови, отступила, оценила работу и сердито стёрла развод ещё раз.

— Не помешаю? — спросила Полина.

— Если кофе закажете — вряд ли. Если принесёте мне ещё одну рекламу доставки — точно помешаете.

Полина взяла фильтр-кофе и показала фотографию дома Князевых.

— Можно спросить не как сотрудницу кофейни, а как человека, который здесь живёт?

— Я тут и то и другое, к сожалению. Спрашивайте.

— Если там что-то сделают, зачем вы лично туда пойдёте?

Лена заглянула в окно, словно пыталась увидеть здание сквозь соседний дом.

— Если открыть там вторую кофейню, мы будем возражать всей семьёй. У меня мама любит демонстрации, только их никто не устраивает.

— Не обязательно кофейня.

— Тогда зимой — на занятия с племянницей. У нас нормальный кружок рисования один, и туда запись в прошлом году закрылась ещё в августе. Летом — если будет где посидеть у воды без заказа на тысячу рублей. А вы что хотите записать? «Нуждается в культурной среде»?

— Хочу записать, что с племянницей некуда пойти рисовать.

— Вот. Так и пишите. А ещё там нужен туалет. Не литературно, зато правда.

Она взяла листок, чтобы записать номер знакомой преподавательницы рисования, и добавила:

— Только не говорите людям, что это будет. Здесь что-нибудь обещают каждое лето. Потом они со мной спорят, будто я лично асфальт укладываю.

Первую половину дня Полина провела на Речной. Солнце поднималось выше, в лужах у бордюра лежали пухлые отражения облаков, над хлебным киоском безуспешно кружилась оса. У магазина бытовой химии молодая мать, поправляя капюшон спящему ребёнку, сказала, что любому новому месту нужны пандусы и нормальные двери; ей надоело оставлять коляску на улице и просить незнакомых людей поддержать. Пожилой мужчина с пакетом моркови предложил открыть шахматный клуб, но тут же признался, что сам не придёт: «У меня дома партнёр в компьютере, и он пока выигрывает».

Владелец мастерской по ремонту велосипедов говорил совсем иначе. Его звали Артём, он носил густую короткую бороду и футболку с изображением горного велосипеда, хотя вокруг Липовой Пристани гор не было. Мастерская помещалась в бывшем гараже. На стене висели колёса разных размеров, на полу стояла детская коляска без передней оси.

— Люди хотят, чтобы было красиво, — сказал Артём, вытирая руки. — И чтобы бесплатно. Я тоже за. Только кто-то должен платить аренду, коммуналку и человеку, который каждое утро открывает дверь. У меня летом прокат неплохо идёт. Сделать там небольшое место

выдачи велосипедов, если дорогу к дому приведут в порядок, — можно попробовать. Но только не на годовой аренде по цене центра Москвы.

— Вы бы согласились рассмотреть конкретные условия?

— Условия — да. Рассматривать бесплатно могу сколько хотите.

Он достал с верстака чек, на обратной стороне написал телефон и предложил Полине попробовать городской велосипед. «На бумаге у вас расстояния не те, — объяснил он. — Там, где дорога вроде ровная, у нас подъём. Турист потом возненавидит город уже на третьем километре».

Прокат Полина отложила до окончания пешего маршрута. Велосипедист из неё был осторожный: в Москве она однажды врезалась в рекламную стойку и потом неделю убеждала знакомых, что стойка стояла незаконно.

У бывших торговых рядов разговор вышел неприятнее. В маленьком магазине продуктов женщина с короткой стрижкой долго слушала Полину, а потом спросила:

— Вы из администрации?

— Нет. Я делаю путеводитель по заказу ассоциации предпринимателей. А мнения собираю отдельно, для обсуждения возможного использования дома Князевых. Обещать ничего не могу.

— Ну понятно. Сначала фотографируете наши развалины, потом приедут отдыхающие, начнут машины во дворе бросать. А мы будем довольные ходить?

— Если машины начнут ставить во дворе, вы будете недовольны. Я записала.

— Не надо ничего записывать. И снимать меня не надо.

Полина закрыла блокнот. Вежливо поблагодарила и вышла, чувствуя, как жар поднимается к щекам. Отказы она умела принимать на работе; здесь же почему-то хотелось объяснить, что она не враг города и вообще приехала с двумя чемоданами, а не с застройщиком.

Возле уличного лотка с клубникой Полина купила полкило ягод. Продавщица пересыпала их в картонную коробочку, застелив газетой. Ягоды пахли так сильно, что на обратной дороге Полина съела три штуки прямо на ходу, испачкала пальцы и остановилась у колонки, где женщина мыла ведро.

— Вода питьевая? — спросила Полина.

— Для клубники сойдёт. Для вас лучше из бутылки. Трубы старые.

Она вспомнила, что Лена с утра просила у неё не красивое описание здания, а работающий туалет. В таблице появилась новая строка: «Содержание общедоступной части: санитарные помещения, уборка, часы работы».

В обед Полина зашла к Антонине Семёновне вернуть две оцифрованные открытки. Та встретила её с сантиметровой лентой на шее и немедленно спросила, что она сделала с голубой тканью.

— Пока ничего. Хотела наволочки. Но боюсь, что своими руками испорчу материал.

— А кто вам сказал, что наволочки обязаны быть из выставочного зала? — возмутилась хозяйка. — Приходите в воскресенье, я покажу, как прострочить. Только утром. После обеда у меня внучка.

— Спасибо. Можно ещё один вопрос о доме Князевых? Я разговариваю с людьми...

— Знаю. Тут уже сказали, что молодая москвичка собирает подписи за ресторан.

Полина застыла.

— Я вообще не собираю подписи.

— Значит, прежде чем соберёте, расскажите людям, что делаете. И не только тем, кто вас любит. У нас слухи быстрее пароходов ходят, а пароходов больше почти не осталось.

Антонина Семёновна подтянула к себе коробку с пуговицами, выбрала одну и приложила к старому детскому пальто.

— Людям оттуда разное надо. Соседка хочет картины показывать. Артёму нужны велосипеды. Другие и вовсе за снос — на стройке заработают. А я бы посмотрела, кто потом за уборку платит.

— Похоже, единого мнения не получится.

— Единого, девочка, и на похоронах не бывает. Вы лучше спросите, кто чем готов поступиться.

Полина обещала зайти в воскресенье и ещё раз посмотрела на открытку шестидесятих годов. На ней возле пристани не было ни праздничных гирлянд, ни красивых террас. Мужчина в кепке нёс ящик, женщина с хозяйственной сумкой держала за руку девочку. Жизнь, которая не знала, что её снимут для будущего путеводителя.

На обратном пути она встретила Нину Павловну возле подъезда. Та стояла над раскрытой сумкой с продуктами и разглядывала разбитый пакет кефира так, будто собиралась предъявить ему письменную претензию.

— Я за одну ручку потянула, а он за другую, — объяснила хозяйка, когда Полина помогла собрать покупки. — Совершенно ненадёжная тара. Раньше хотя бы видно было, где пакет протекает.

В квартире Нины Павловны оказалось светло и тесно от вещей. На стенах — фотографии: молодые супруги возле «Волги», мальчик на велосипеде, женщина в выпускном платье. На буфете стояли три фарфоровые фигурки балерин, одна без руки, но аккуратно приклеенная. Полина помогла переставить продукты, вытерла с пола капли кефира.

— Муж у меня всю жизнь любил эту машину, — заметила Нина Павловна, перехватив её взгляд. — Больше, по-моему, только меня. И то в некоторые годы можно было поспорить.

— А теперь машина где?

— Продали. А муж умер шесть лет назад. Не делай такого лица, девочка. Мы с ним нормально пожили, сорок лет. Это больше, чем у многих получается.

Она сказала это без показной бодрости, отрезала для Полины ломоть яблочного пирога и поставила чайник.

— Ты всё по городу с блокнотом ходишь? Видела, как утром вышла.

— Собираю мнения про старый дом Князевых.

— И что, придумали уже, что с ним делать?

— Пока нет. Люди очень разного хотят.

— Ну конечно. Ты у меня спроси, я скажу одно, у моего внука будет другое. Только ты смотри, не бери всё на себя. Город у нас давно взрослый, сам должен за свои дома отвечать.

Полина кивнула. Ей понравилось, что Нина Павловна не стала расспрашивать, на каком этапе новая жизнь, и не посоветовала немедленно завести другую семью. Просто завернула кусок пирога в салфетку и попросила вечером вернуть контейнер.

Вечером Полина занесла двадцать семь ответов в таблицу. Они плохо укладывались в колонки. Кто-то хотел помещение для кружков, кто-то — кафе, несколько человек говорили о туалете и скамейках, двое — о маленькой выставке речного быта. Трое предпочли бы снести опасное здание. Ещё шестеро считали, что город в первую очередь обязан привести в порядок дорогу и канализацию, а уже потом заниматься красотой. Последнее Полине было трудно оспорить.

Она не стала превращать эти разговоры в проценты. Двадцать семь человек — не опрос жителей города, а двадцать семь разных разговоров. Завела отдельную колонку с пометкой «непредставительная выборка» и пошла заварить чай.

Илья позвонил около девяти. На экране высветилось его имя и номер, который она сохранила в среду.

— Добрый вечер. Не поздно?

— Нет. Я как раз изучаю разные способы сделать недовольными всех сразу.

— Про дом Князевых?

— Конечно. Вы думали, у меня ещё один?

— Я надеялся, что вы нашли запасной. Этот у нас слишком капризный.

На заднем плане у Ильи глухо стукнуло что-то деревянное, потом раздался короткий детский возглас.

— Сева, подожди. Не на краю стола, — сказал Илья, отодвинув телефон. — Извините, строим мост. По его проекту он должен выдержать грузовик, по моим расчётам — ложку.

— Вы звоните из-за дела?

— Да. Олег прислал уточнения по перекрытиям. Пока ничего окончательного, но стало ясно, что эксплуатацию второго этажа без серьёзных работ даже рассматривать нельзя. Если кто-нибудь предложит устроить там завтра выставку — не поддерживайте. И ещё: я нашёл в музее ссылку на старую съёмку береговой линии. Вера обещала поднять инвентарную книгу в понедельник.

— Хорошо. Я за сегодня поговорила с двадцатью семью людьми.

— Серьёзно? И что они хотят?

— Крышу над головой, доступ к воде, чистый туалет и чтобы никто не мешал жить.

Иногда всё сразу. И почти никто не хочет платить за всё это отдельно.

Илья не ответил сразу. Снова глухо стукнула деревяшка. Потом он сказал:

— Пожалуй, это самое полезное, что мне рассказывали о здании за месяц.

— Вы ещё не видели таблицу.

— Наверняка там красивее.

— Там страшнее. У меня восемь колонок.

— Мне знакомы такие люди. Сначала заводят таблицу, а потом обнаруживают, что в неё всё равно не влезает главное.

— Вы прямо описали мою карьеру.

В трубке послышался тихий смешок. Полина представила Илью дома: на колене щепка, в руках телефон, рядом шестилетний мальчик, который требует от мостов невозможного. Про его рост, плечи и серые глаза она успела составить приблизительное представление; представить квартиру не могла. Наверное, там были книги по архитектуре, карандаши и несколько недоделанных вещей. Ей неожиданно захотелось узнать, какие.

— Я могу вам завтра отправить обезличенные заметки, — предложила она. — Не для презентации, просто посмотреть, о чём люди говорят.

— Отправьте. И спасибо, что не делаете вид, будто все уже согласны.

— Не за что. Пока они не согласны даже между собой.

В трубке прозвучало: «Пап, мост выжил!» — и ещё один стук, на этот раз громче.

— Не буду мешать испытаниям, — сказала Полина.

— Сами видите, у нас тут чрезвычайная комиссия.

После звонка она ещё долго работала над текстом путеводителя. Привычка проверять чужие слова не позволяла ей использовать интервью как повод для красивых высказываний. Если человек говорил «нормальный туалет», значит, в тексте должны быть нормальный туалет, адрес и часы работы. Не «пространство комфорта».

Перед сном Полина заглянула в холодильник и обнаружила, что клубника, купленная днём, почти закончилась. На блюде осталось пять ягод, одна помятая. Она взяла две, потом вернулась за третьей.

День прошёл не идеально: один человек прогнал её, другой принял за представителя застройщика, несколько говорили не для записи, а чтобы выговориться. Но впервые за долгое время никто не спросил, когда же она вернётся к настоящей работе.

И это тоже можно было записать. Только уже не в таблицу.

Глава 7. Подлинник и копия

В понедельник Вера Борисовна встретила Полину словами:

— Ничего не трогайте, пока я не выдам вам перчатки.

Полина замерла на пороге музейного кабинета. На столе лежала раскрытая опись, рядом стояла коробка из плотного серого картона, перевязанная бечёвкой. Вера Борисовна, обычно безупречно собранная, сегодня ходила с двумя карандашами в волосах и искала очки, которые висели у неё на груди на тонкой цепочке.

— Доброе утро, — осторожно сказала Полина. — Что случилось?

— Ничего. Просто нашли кое-что интересное. И я не хочу, чтобы оно рассыпалось у нас в руках.

Полина сняла куртку и повесила её на единственный свободный крючок. С утра накрапывал дождь, по стеклу медленно сползали капли, а за окном кто-то упорно косил траву, несмотря на мокрый асфальт. В музее пахло бумагой, старым линолеумом и кремом для рук — Вера Борисовна щедро пользовалась им после работы с пыльными коробками.

— В пятницу Илья сказал про береговую съёмку, — напомнила Полина.

— Вот ради неё и подняли описи. Только съёмка — это ещё половина дела.

Вера Борисовна освободила место и показала небольшую карточку с машинописной строкой: «План пристанского участка с указанием сооружений». В графе «Поступление» был год, в графе «Местонахождение» — номер фонда. Номер несколько раз переписывали карандашом.

— Передавали от речников, потом от хозяйственного управления, потом кто-то решил, что это приложение к инвентаризации. И всё перемешалось. Знаете, что самое страшное в музейной работе?

— Что документы пропадают?

— Что они не пропадают. Лежат в правильной коробке, только на неправильной полке. Годами.

Она осторожно развязала бечёвку. Внутри оказалось несколько сложенных планов на плотной желтоватой бумаге, переложенных листами нейтрального картона. Первый изображал берег и улицы. Второй — фасады хозяйственных построек. Третий, самый маленький, показывал поперечный разрез берега у дома Князевых.

— Сами листы без окончательной атрибуции, — предупредила Вера Борисовна. — Но инвентарный номер сходится с записью. Фотографировать для работы можно, публиковать — после оформления разрешения музея и проверки подписи. Мы с вами ведь понимаем разницу?

— Я за последние полгода только этой разницей и занималась.

Полина разложила рядом планшеты, на который заранее скачала снимки набережной. Сопоставила поворот улицы, отметку бывшего причала, нынешний парапет. Теперь стало ясно, почему дом на старых фотографиях казался выше: подъезд с воды находился ниже современной прогулочной дорожки. На плане старый проезд шёл к пристанским сооружениям под углом и проходил мимо двора здания, а не сквозь само здание.

— То есть проход был, — произнесла она. — Но он вёл по соседнему участку?

— Предположительно. Граница землепользования менялась. Это нельзя переносить на сегодняшние участки, как будто ничего не случилось. Илья просил особенно не торопиться с выводами.

Полина мысленно поблагодарила его за эту предусмотрительность. Она уже представляла, как легко написать «исторически сложившийся общественный проход», а потом обнаружить, что в прошлом по этой дороге ходили только работники пристани.

— Зато можно сказать, что связь между набережной и причалом была физической, не декоративной. И показать её на схеме.

— Можно. С оговоркой о времени и назначении. А ещё посмотрите вот это.

Вера Борисовна протянула ей листок из папки с черновыми подписями к музейным экспонатам. Полина прочитала:

«Знаменитые часы Князевых на береговой башне показывали время отправления пароходов».

— У вас же в экспозиции фотография, на которой там решётка, — сказала Полина.

— Вот именно.

— Откуда тогда часы?

— Старая газетная заметка. В девяностых один краевед написал, что со стороны реки на башне были часы. Потом эту фразу повторил местный буклет. Мы сейчас проверяем первоисточник. В других документах часов пока не нашли.

— Но кто-то мог снять их до фотографии девятьсот девятого года.

— Мог. И это не то же самое, что «они там были». У нас нет ни чертежа часового механизма, ни расходных записей, ни ясного снимка. Мы можем говорить о круглом проёме и решётке. А легенду оставить легендой, пока не появятся доказательства.

Полина вспомнила пустую круглую нишу под крышей. Если бы ей поручили рекламный текст ещё месяц назад, она наверняка написала бы про часы. Красивая подробность, понятный образ, удобная линия от прошлого к настоящему. Покупатель такого текста получил бы именно то, чего просил: атмосферу.

— В моей черновой карточке стоит «часовая башенка», — призналась она.

— Я знаю. Вы мне присылали первые четыре точки. Потому и достала эту папку.

Вера Борисовна сказала это без упрёка, но Полина почувствовала неприятную холодную волну под рёбрами. Она считала себя человеком аккуратным. В рекламных материалах ей приходилось проверять даже названия улиц. А здесь позволила красивому предположению проскочить мимо собственного фильтра.

— Исправлю, — сказала она. — Сегодня же. И проверю все подписи к изображениям.

— Я ради этого и показываю. Не обижайтесь, Полина. Краеведческая наука часто начинается с того, что у человека отбирают красивую историю и дают вместо неё накладную.

В кабинет заглянул молодой парень в сером худи, с мокрыми от дождя волосами и тяжёлым фотоаппаратом на плече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.